

Старший дядя Сун не имел никаких возражений против того, что его племянник решил стать режиссёром, и полностью поддерживал своего брата, который инвестировал в создание фильмов и развлекательной компании. Даже если бы его собственный сын, доставлявший немало хлопот, захотел стать режиссёром и снимать фильмы или сериалы, он бы горячо поддержал его, считая это способом начать собственное дело. Однако к актёрской профессии он питал глубоко укоренившиеся предубеждения.

Конечно, это было связано с кругом его общения. Находясь на своём нынешнем положении, он часто слышал и видел, как мелкие актёры, стремясь пристроиться к влиятельным людям, лезут в объятия и выставляют себя в неприглядном свете. Если бы он услышал, что ребёнок какого-нибудь высокопоставленного чиновника решил заняться пением или актёрством, даже если бы это было просто хобби, он и его окружение тут же навесили бы на него ярлык бездельника и непутёвого человека.

В их кругу уже было несколько семей, чьи дети, увлечённые съёмками и пением, были заняты каждый день, и до сих пор становились объектами насмешек со стороны старшего поколения. Сун Жун не мог допустить, чтобы его семья оказалась в таком же положении!

— Что здесь постыдного? Это кино! Это искусство... — Сун Сянь не осмелился возражать отцу в полный голос, но не смог удержаться от бормотания в ответ.

Тетушка Сун, находившаяся рядом, вместе с тетушкой Чжао вовремя пришла на помощь своему сыну:

— Еда готова, давайте за стол, продолжим разговор там.

Отец Сун тут же встал, чтобы поддержать свою невестку, и пригласил всех за стол, взяв старшего брата под руку:

— Пошли, поговорим за едой.

Тетушка Сун воспользовалась моментом, чтобы ущипнуть своего непутёвого сына, предупредив его шёпотом:

— Прекрати спорить с отцом! Ты ещё не получил достаточно тумаков за последние дни? — Её сын, по сравнению с мужем, не только был слаб в эмоциональном плане, но и его интеллект оставлял желать лучшего! В некоторых ситуациях достаточно было бы промолчать или сказать пару мягких слов, чтобы избежать конфликта, но он, как дурак, лезет на рожон, стоит только его немного поддеть.

Эх, почему она родила такого дурака? Если бы хоть капля сообразительности его сестры передалась ему, он бы избежал стольких побоев за эти годы!

Повернувшись к Сун Цисиню, который спокойно занял своё место за столом, тетушка Сун снова вздохнула. Даже если бы он был таким же замкнутым, как его брат, это было бы лучше, чем сейчас...

Сун Цисинь не уловил странных и загадочных мыслей своей тётушки. Хотя он искренне сочувствовал своему двоюродному брату, он мог только сочувствовать. Хотя он мог бы легко дать ему роль в массовой драме, чтобы тот появился на экране, для этого нужно было получить согласие старшего дядюшки.

В конце концов, старший дядя был родным отцом его двоюродного брата. Так же, как и сам Сун

Цисинь, если он хотел что-то сделать, он должен был сначала заручиться поддержкой своего отца. Хотя некоторые вещи для их поколения казались нормальными, они всё же должны были учитывать мнение и предпочтения старших.

Поэтому пусть двоюродный брат сам разбирается с отцом.

Сун Сянь, получив предупреждение от матери, не осмелился больше поднимать тему съёмки за столом и молча принялся за еду.

Отец Сун и старший дядя продолжали беседовать, а тетушка Сун с энтузиазмом подкладывала еду Сун Цисиню и двум сопровождающим. Сун Цисинь и его двоюродная сестра слушали разговор отца и старшего дядюшки, как вдруг Сун Цисинь удивился, услышав, что отец сказал.

— Папа, что вы сказали? Вы планируете перевести головной офис в Императорскую столицу?!

— Если у отца были такие планы, почему он не сделал этого раньше?

Услышав это, У Хэн также с удивлением посмотрел на господина Суна. Он тоже ничего об этом не слышал, и, подумав о чём-то, он повернулся к Чжэн Кайжюю.

Чжэн Кайжуй с его стандартной социальной улыбкой, заметив это, незаметно поднял бровь. Хотя это было не так явно, У Хэн ясно прочитал на его лице: «Я знаю, что происходит, попроси меня об этом». Тогда он повернул голову обратно к господину Суну и спокойно продолжил есть, что вызвало у Чжэн Кайжуя чувство раздражения, так как он не смог похвастаться своими знаниями.

Господин Сун с загадочной улыбкой посмотрел на Сун Цисиня:

— Да, планируем переехать. Сейчас мы только начали искать подходящее место для офиса и готовимся к переговорам. Ожидаем, что к концу года у нас будут точные новости.

— Почему вдруг решили переехать в Императорскую столицу? А что с городом S? — Основные бизнесы, главные отрасли и связи Чэньси находятся в городе S и нескольких южных городах. Если бы речь шла об открытии филиала в другом городе, это было бы понятно, но почему решили так тихо перенести штаб-квартиру в Императорскую столицу? Может быть, в городе S произошло что-то, что заставило отца переехать и опереться на старшего дядю?

Господин Сун не знал, что его сын уже строит странные догадки, и с глубокомысленной улыбкой, которая словно говорила: «Я всё знаю, но не скажу», ответил:

— Офисные здания в городе S, конечно, останутся филиалами. Тебе сейчас не нужно об этом думать, сосредоточься на своём фильме. Когда закончишь университет, я постепенно научу тебя всему, что касается бизнеса.

Сун Цисинь был немного озадачен, но решил временно оставить эту тему. Судя по выражению лица отца, ничего плохого не происходило.

Сун Сянь, сидевший рядом, с завистью смотрел на господина Суна, а затем украдкой поглядывал на старшего дядю, словно говоря: «Посмотри на чужого отца! А ты?»

К счастью, старший дядя был увлечён разговором с господином Суном и Сун Цисинем и не заметил выражения лица сына, иначе он бы снова рассердился, и Сун Сянь получил бы очередную порцию наказания.

Семья весело провела вечер за ужином, а после еды господин Сун и старший дядя продолжили беседу. Заметив, что его двоюродный брат стал более нормальным и приятным в общении после того, как избавился от странного цвета волос, Сун Сянь проявил к нему большой интерес и утащил его в угол дивана, чтобы расспросить о съёмках.

Сун Ли, сидевшая неподалёку, время от времени вставляла свои замечания, чтобы поддеть младшего брата. Но постепенно она начала испытывать к двоюродному брату странное чувство. Она не была такой же бесхитростной, как Сун Сянь, и из ответов Сун Цисиня на вопросы брата она поняла, что он действительно разбирается в киноиндустрии. Он знал, какие сцены лучше снимать тем или иным способом, использовал профессиональные термины при монтаже и давал объективные оценки актёрской игре.

Хотя она сама не до конца понимала всё, что он говорил, она чувствовала, что Сун Цисинь не старался показать себя, а просто отвечал на вопросы Сун Сяня.

Моргнув, Сун Ли придвинулась к матери и спросила шёпотом:

— Мама, папа говорил, почему он так резко изменился? — После начала учебного года она должна была поселиться в общежитии, и, поскольку она училась на медицинском факультете, четвёртый курс был очень напряжённым. Поэтому она вернулась домой только первого октября и не успела подробно расспросить о Сун Цисине, только слышала, что он вдруг исправился, перекрасил волосы и перестал спорить с дядей.

Тетушка Сун пододвинулась к дочери и шёпотом поделилась новостью:

— Твой папа сказал, что, кажется, он пережил разрыв и сильно пострадал. — После того как Сун Цисинь приходил в гости, старший дядя ворчал на жену и упомянул, что Сун Цисинь пережил разрыв.

Женщины способны на гораздо большее воображение, чем мужчины, и, услышав это, Сун Ли сразу же загорелась и кивнула.

Неудивительно, что он так изменился! Действительно, раны от любви самые болезненные, но и самые способствующие росту!

Подумав об этом, она снова оглядела Сун Цисиня и внутренне одобрила. Сейчас, в таком виде, с его довольно милым и спокойным лицом, он мог бы легко привлечь к себе внимание, будь то мужчин или женщин! Непонятно, зачем он раньше так себя вёл? С такими данными он только усложнял себе жизнь!

Около восьми вечера два помощника вместе с Сун Цисинем и его отцом уехали. Дети старшего дяди разошлись по своим комнатам, и в доме снова воцарилась тишина.

<http://bllate.org/book/16375/1481344>